ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

"Противиться злу жизни..."

Андрей РУМЯНЦЕВ

К 80-летию со дня кончины Алексея Максимовича Горького

Когда-то Лев Николаевич Толстой сказал Максиму Горькому: "Вы хорошо рассказываете – своими словами, крепко, не книжно". Яснополянский мудрец, слушавший на своем веку сотни умных, талантливых, начитанных людей, цепко выделил в речи молодого писателя главное, характерное. Когда читаешь рассказы Горького конца девятнадцатого – начала двадцатого веков, то ощущаешь даже на фоне творений великих классиков не только свежесть языка и интонации. Иные пласты жизни, иные герои, иное дыхание времени – всё необычно у автора повествований "Коновалов", "Супруги Орловы", "Трое", "Двадцать шесть и одна".

Это своеобразие художественного письма М.Горького резко бросается в глаза и при знакомстве с его драматургией. Уже первая пьеса писателя "Мещане" рядом с драмами и комедиями А.Островского, А.Сухово-Кобылина и А.Чехова открывается как особый материк, принадлежащий именно Горькому. Он увидел в жизни то, что не замечалось другими авторами, – из отмирающего и нарождающегося, из цепляющегося всеми силами за родную почву и нового, только всходящего из неё, из терпящего поражение и побеждающего в схватке за будущее.

О пьесах Горького, как и о его прозе, много спорили. О "Мещанах", например, толки были самые противоречивые. А.Чехов считал, что автор "первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к протесту". Л.Андреев, наоборот, утверждал, что старик Бессеменов и его жена Акулина Ивановна – это представители давнего и уже отживающего мещанства; они, собственно, не новые герои нашей литературы и уже не опасные для будущей жизни. Опасней последыши, их дети Петр и Татьяна. Что же касается того нового, что увидел в русском быте Горький, так это, по мнению Андреева, молодые люди, появившиеся в вековых недрах мещанства, и прежде всего, Нил, машинист на железной дороге, воспитанник Бессеменова. "Пусть носители иного, свободного начала жизни ещё не в силах победить мещанство, – писал Андреев, – они во всяком случае добились уже многого: они сумели отравить ему существование". Критик Н.Михайловский утверждал, что и Нил – герой вовсе не новый на сцене, и мещанство, как его представляет Горький, дано не отчётливо. О.Книппер, актриса Московского художественного театра, где впервые была поставлена пьеса, в письме к Чехову высказала тот же взгляд на главного персонажа "Мещан": Нил – "самый обыкновенный рабочий, каких тысячи на Западе", он если и стремится к свободе, "то к свободе в буржуазном смысле". Мы не приводим других мнений – от весьма субъективных до парадоксальных, вроде того, что мещанская семья Бессеменова – из тех же замоскворецких семей, что были выведены в пьесах Островского, а Нил – это "душой и стремлениями мещанин".

Сегодня, век спустя, пьеса Горького привлекает страстью, с которой отвергаются мещанский уклад, мещанское счастье, мещанская духовная затхлость; неукротимым порывом к иной жизни – распахнутой, освежающей душу, преображающей мир, где так не хватает света. Ведь это же почти чудо, что в нынешней России опять, как некое откровение, звучат слова Нила, так близкие нам:

"Нет, Петруха, нет! Жить, – даже и не будучи влюбленным, – славное занятие! Ездить на скверных паровозах осенними ночами, под дождем и ветром... или зимою... в метель, когда вокруг тебя – нет пространства, все на земле закрыто тьмой, завалено снегом, – утомительно ездить в такую пору, трудно... опасно, если хочешь! – и всё же в этом есть своя прелесть! Всё-таки есть! В одном не вижу ничего приятного, – в том, что мною и другими честными людями командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь – не вся за ними! Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле. Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!..

Васса Железнова во МХАТе имени Горького

П ё т р. Не раз я слышал эти речи. Посмотрим, как тебе ответит жизнь на них!

Н и л. Я заставлю её ответить так, как захочу. Ты – не стращай меня! Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь – тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная грубая сила жмет и давит человека, я знаю это, – и это мне не нравится, возмущает меня! Я этого порядка – не хочу! Я знаю, что жизнь – дело серьёзное, но неустроенное... что она потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я – не богатырь, а просто – честный, здоровый человек, и всё-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И я на все средства души моей удовлетворю моё желание вмешаться в самую гущу жизни... месить её и так и эдак... тому – помешать, этому – помочь... вот в чем радость жизни!".

Бессмертие классики – в живых, неумирающих героях. С какой убежденностью и уверенностью внушает нам горьковский герой: "...мною и другими честными людьми командуют дураки и воры. Но жизнь – не вся за ними! Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле. Я не богатырь... и всё-таки говорю: ничего! Наша возьмёт!".

Кажется удивительным, как по-разному, с разных сторон смотрели на свою эпоху, на людей этой эпохи великие писатели, создавшие произведения в одни и те же годы. Чеховские "три сестры" в начале двадцатого века мечтают вернуться из провинциального города в Москву, где, как им кажется, их ждёт настоящая жизнь; там они раскроют свои способности, будут полезны людям. И этих милых, честных, интеллигентных людей понимаешь: если здесь, в провинции, их ежедневная работа, благородные помыслы уходят в песок, то должны же в большом культурном городе найтись их единомышленники, соратники и должны же их совместные усилия изменить монотонную, серую, недостойную человека русскую жизнь? Чехов и сам был из числа таких деятелей. Странно было бы ему и его героям уповать на революцию, социальные потрясения в своем стремлении перестроить на разумных началах отечественное бытие.

Не таков Горький и его герои. Писатель из низов, Алексей Максимович увидел в окружающем мире других соотечественников, тоже недовольных средой, социальными порядками, всем устройством жизни в родных пенатах. Они – из рабочего люда. Эти решительней, нетерпеливей, безжалостней к рутине быта. Однако и их можно понять: они больше страдают от несправедливости, они придавленней, забитей, и если лучшие, талантливые из них воспрянули, подняли головы, обрели надежду и решимость изменить жизнь под родным кровом, то кто бросит в них камень? Такие, как Нил, заставляли бродить молодые умы. В разговоре с Татьяной, дочерью Бессеменова, Нил определил разницу между мещанскими отпрысками и детьми своего решительного сословия:

"...Я жить люблю, люблю шум, работу, веселых, простых людей! А вы разве живёте? Так как-то слоняетесь около жизни и по неизвестной причине стонете да жалуетесь... на кого, почему, для чего? Непонятно.

Т а т ь я н а. Ты не понимаешь?

Н и л. То-то нет! Когда человеку лежать на одном боку неудобно – он перевёртывается на другой, а когда ему жить неудобно – он только жалуется... А ты сделай усилие – перевернись!".

Разумеется, "перевернуть" жизнь трудней и болезненней, чем перевернуться человеку на другой бок. Но, читая упомянутую пьесу А.Чехова и "Мещан" М.Горького, современник писателей (если он тоже чувствовал ущербность жизни) мог подумать: а почему бы героям-интеллигентам одного автора не соединить усилия с героями-пролетариями другого, чтобы изменить Россию? Они бы пришли к согласию, потому что горьковские Нилы напоминали мастеровитого строителя нового дома, а чеховские "три сестры" – устроительниц разумного быта в нём.

* * *

Думаю, читатель заметит ту черту русской классики, которая привлекает и в пьесах Горького. Писатель внимателен к каждому герою, симпатичен персонаж или нет, он хочет понять его мысли, его отношение к жизни, мотивы его поведения. И в этом душевном, по-человечески родственном внимании есть особый нравственный смысл. Автор хочет, чтобы мы возмутились жестокостью героя, погоревали над его заблуждениями или ошибками, простили его невольные срывы, оценили добрые побуждения. О закоренелом, кондовом мещанине Василии Васильевиче Бессеменове и его верной, сердобольной супруге Акулине Ивановне осуждающе и зло говорят только воспитанник Нил, приживальщики Перчихин да Тетерев. Сам же автор дает возможность и главе семьи, и его жене высказать свою оценку прожитого, свою правду.

Бессеменов объясняется с детьми – сыном Петром, мечтающем восстановиться в университете, и дочерью Татьяной, учительницей, не видящей смысла в монотонной жизни:

"Б е с с е м е н о в. Н-да... Учиться... Учись! Но ты не учишься... а фордыбачишь. Ты вот научился презрению ко всему живущему, а размера в действиях не приобрел. Из университета тебя выгнали. Ты думаешь – неправильно? Ошибаешься. Студент есть ученик, а не... распорядитель в жизни. Ежели всякий парень в двадцать лет уставщиком порядков захочет быть... тогда всё должно прийти в замешательство... и деловому человеку на земле места не будет. Ты научись, будь мастером в твоём деле и тогда – рассуждай... А до той поры всякий на твои рассуждения имеет полное право сказать – цыц! Я говорю это тебе не со зла, а по душе... как ты есть мой сын, кровь моя, и всё такое. Нилу я ничего не говорю... хоть много положил труда на него, хоть он и приёмыш мой... но все ж он – чужая кровь. И чем дальше – тем больше он мне чужой. Я вижу – будет он прохвостом... актером будет или ещё чем-нибудь в этаком духе... Может, даже социалистом будет... Ну – туда ему и дорога!"

Это подлинная трагедия. Не та трагедия отцов и детей, которую мусолили критики со времен Тургенева и которая в двадцатом веке обрела какое-то совсем мелкотравчатое содержание. Это трагедия, рожденная поступательным движением самой жизни, трагедия вечная, непреходящая, когда духовные и житейские ценности одного поколения меньше привлекает другое, следующее за ним, когда обновляется не только быт, но и, кажется, сама душа человека, его чаяния и устремления.

Сам Горький в пояснении к пьесе "Мещане" писал о Бессеменове: "Жил чёрт знает сколько времени, работал не покладая рук, мошенничал... и – вдруг видит, что всё это зря!.. Не для кого... И жизнь начинает его страшить своим смыслом, которого он не понимает...".

Эта запись краткая и, пожалуй, не исчерпывает всей характеристики героя. Здесь, по-моему, тот случай, когда читатель и зритель могут сказать больше, чем пунктирно наметил автор в своём комментарии. В пьесе Бессеменов богаче, полнокровней, чем очерчен в авторском пояснении: "работал не покладая рук да мошенничал...". Возможно, что мошенничал, хотя ни сам он, ни окружающие ни разу об этом не упоминали. Зато доподлинно известно, что старик вырастил чужого мальчика Нила, кормил со своего стола нахлебников Тетерева и Шишкина, пригревал дальнего родственника Перчихина и его дочь Полю. При всей грубости и домашнем деспотизме Бессеменова он сделал людям немало доброго. Не надо забывать и того, что из таких мещанских семей в России сплошь да рядом выходили достойные и даже великие сыны отечества – духовно здоровые и благодарные Василиям Васильевичам.

Мы не притупляем остроту горьковской пьесы, мы обращаем внимание на глубину и сложность жизни, которую обнажил писатель.

* * *

...Для того, чтобы принизить художественное произведение, у критики есть испытанный аргумент: имярек – писатель социальный, это помешало ему создать достойную таланта книгу. А классика не считается с такими приговорами. Нас волнуют трагедии о самовластительных тиранах, эпопеи о кланах богачей, романы об отверженных, хотя интрига в них замешана на страстях социальных, а то и политических.

В Горьком острый, неожиданный, размышляющий и сострадающий художник всегда брал верх над человеком, причастным к политике. Две его пьесы советского времени – "Егор Булычов и другие" и "Васса Железнова" привлекают не столько уже отошедшими в прошлое социальными столкновениями, сколько крупными, словно вырубленными из камня характерами хозяев "дела" в разваливающейся, пораженной смутой стране. Для купца Егора Булычева мировая война – мать родна: знай, поворачивайся, наживай миллионы на высоких ценах. Могущество таких людей уже не зависит ни от царей, ни от народа. "Попы, цари, губернаторы... на кой черт они мне надобны? – говорит Булычов дочери. – В бога – я не верю. Где тут бог? Сама видишь... И людей хороших – нет. Хорошие – редки, как... фальшивые деньги! Видишь, какие все? Все они теперь запутались, завоевались... очумели! А – мне какое дело до них? Булычову-то Егору – зачем они?".

Вот только смертельная болезнь прилипла к купцу не вовремя. Не может он, как в кулачном бою, встать на помост жизни во всей своей силе. Однако распоряжается, унижает других, грешит и ублажает себя он до последнего вздоха. И до последней минуты не хочет верить, что великая буря, которая уже началась за окнами, сметёт его прочный, незыблемый до сих пор мир.

Оправдывает свою фамилию владелица пароходства, сильная и властная женщина сорока лет Васса Железнова. Служащих компании и домашних она держит в ежовых рукавицах; все дела, служебные и семейные, под её неусыпным контролем. Как и Егор Булычов, Васса пришла к "миллионному делу" из низов. У того отец на Волге "плоты гонял", а эта шестнадцатилетней девчонкой вошла в дом речного капитана Железнова его бесправной женой. В России такое случалось: тысячи Булычовых и Железновых соскальзывали на дно жизни, а редкие единицы поднимались на её поверхность. Эти, битые и верченые, как раз и становились несокрушимыми, как дубы, хозяевами – промышленниками и купцами. Умная, резкая, прямая в речах и поступках, Васса рассказывает двум своим дочерям: "Родила я девять человек, осталось трое. Один родился – мертвый, две девочки – до года не выжили, мальчики – до пяти, а один – семи лет помер. Так-то, дочери". А на вопрос, почему дети помирали, Железнова отвечает: "...оттого, что родились слабые, а слабые родились потому, что отец пил много и бил меня часто".

И эта женщина, благодаря своей неукротимой воле, смогла создать пароходную компанию. То, что нрав у неё твердый и жестокий, поистине железный, читатель видит своими глазами: спившегося мужа, попавшего на скамью подсудимых за растление малолетних, она заставляет выпить яду; у смертельно больного сына и невестки, профессиональной революционерки, отбирает их дитя, своего внука, мечтая передать ему нажитое состояние; невестку, подпольщицу, кроме того выдает полиции; от дочерей – озлобленной, уже спивающейся Натальи и слабоумной Людмилы – готова освободиться, как от обузы, выдав их замуж с крохотным приданым. Всё, что мешает Железновой хозяйствовать, наживать новые миллионы, – побоку. Кажется, что уже сам огромный воз, в который Васса впряглась пятнадцать лет назад, управляет ею; прочь с дороги, по ней, прогибая землю, движется махина!

Когда невестка Рашель пугает Железнову: "...не много жизни осталось для таких, как вы, для всего вашего класса – хозяев. Растет другой хозяин, грозная сила растет, – она вас раздавит. Раздавит!" – Васса ни на секунду не верит ей: "Вот как страшно! Эх, Рашель, кабы я в это поверила, я бы сказала тебе: на, бери всё моё богатство и всю хитрость мою – бери!".

А на чем же основана вера Железновой в то, что её дело незыблемо? Может, она слепа? Не видит расползающегося пламени? Может, она лишь раба накопительства, как считает Рашель? Едва ли. Подобно Егору Булычову, эта сильная и умная женщина сознает, что среди безвольных, ни на что не способных и ни во что не верящих людей только на таких, как она, ещё держится порядок жизни, мощь государства. А житейски гордость за себя и свою силу она выражает словами намеренно грубыми, насмешливыми: "Я тебе скажу, чего я хотела... Хотела, чтоб губернатор за мной урыльники выносил, чтобы поп служил молебны не угодникам святым, а вот мне, черной грешнице, злой моей душе". Сравните эти слова с теми, что говорил Егор Булычов о губернаторах и царях – они почти совпадают. Совпадает и конец обеих судеб: Булычов в последние минуты жизни слышит пение демонстрантов на улице, Железнова неожиданно умирает в те же грозовые дни...

Горький исследовал жизнь честно, непредвзято. Казалось бы, зачем ему создавать две последние пьесы в тридцатых годах прошедшего века, спустя пятнадцать-восемнадцать лет после революции? Можно предполагать: то, что художник знал очень хорошо, глубинно, требовало выхода. Для писателя такого масштаба современность его художественного произведения – это не та сиюминутная злободневность, о которой пекутся литераторы помельче. Для него постижение основного русла, главного створа жизни в её прошлом, настоящем или намечающемся будущем течении – дело всегда притягательное и необходимое.

И жестокую шутку сыграла история: сто лет спустя в России явились новые Булычовы и Железновы, нынешние олигархи. Для них тоже мало что значат всякие там премьеры и президенты, исполнители их воли. Им, столпам жизни, кажется, что мощь их несокрушима, что они утвердились надолго, чуть ли не навсегда. Горький не написал общественного поражения своих твердолобых героев, крушения их дела. Но есть сама жизнь: она дописывает правдивые произведения по тем же законам, по которым творит писатель...

(Фрагмент, полностью – на нашем сайте)

Пушкин в июле

Максим ЯКОВЛЕВ

(начало на стр.1)

Не терпится увидеть дом. Взбираемся... Ну, где же, где... Ах, вот он! Дом Пушкина! Спешим во двор... И замираем. Дуб разветвлённый, чудо-дуб, собравший младших братьев в круг... Ну, пусть не дуб, а вяз, но всё равно оттуда – с Лукоморья! Подумать только, сколько на сучьях его – за годы и годы – понавешено догадливым воображеньем посетителей разнообразных русалок, котов, кощеев... На самом деле, они все здесь – за тонкой плёнкой видимого мира – в волшебном царстве сказки, куда они в заветный час с начальных строк уводят нас...

Перед нами обширный круг поляны со странными деревьями, они так дружно обрамляют её, но, кажется, и защищают простодушно. Да, полно, деревья ли они? Вот вместо дерева – одна кора, как заскорузлая от древности рубаха или кафтан? Откуда? Кто носил его? А всё же и оно цветёт, как остальные братья. Но тут же, думаю, не сёстры ли? Ведь это липки. Всего их двадцать шесть, посаженных когда-то младшим сыном поэта: как дата рождения Пушкина – 26 мая, по старому, само собой. Здесь же домик Арины Родионовны, няни поэта.

Интересно звучит – "няня поэта"... Сказать: вынянчила нам Пушкина, и сказать: вынянчила нам Поэта! Она была назначена ему даже прежде его рожденья. У России много имён, одно из них – Арина Родионовна.

Карусель круга... Вращенье... встречное движенье... разнообразный говор и язык экскурсий... Кто в праздности, кто в любопытстве, кто мыслью движется, а кто – весельем... Легко представить, как в одиночестве он нарезал с загадочной улыбкой круг за кругом, наяривая на велосипеде... Так Божий взор предвечный бродил по кругу всех времён всех русских гениев (ещё не явленных до времени), отмеченных небесным даром слова, ища того, чьим голосом заговорит, заблещет, запоёт Россия, кто отворит оковы немоты её, всему придаст гармонию, всему определит начало в словесном русском мирозданье, и выбрал Пушкина, и имя дал ему, и срок, и пламень, и высший долг, и муку, и восторг, и вечно молодую славу. И вся эта немыслимая громада, она же – награда? была возложена на внешне хрупкого, подвижного и очень эмоционального человека с душой феноменально восприимчивой и отзывчивой, но осознавать это в полной мере не под силу никому из смертных. Не мог осознавать и Пушкин, хотя и не мог не улавливать ощущения этой громадности предназначения, особенно в последний период жизни. Но в молодости...

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю –
Исполню ли? Бог весть!

Как угаданы основные слагаемые: величие творчества и судьбы, сыновняя любовь и преданность к той, во многом косноязычной в слове России, и необъятность Божьего предназначенья. Эти четыре строки, приписываемые Пушкину, высказались им в 1824 году. Он пока ещё в ссылке, на юге империи: Кишинёв, Одесса, Крым... И всё же, каков он по тогдашнему своему устроению, чего так неистово ищет, где и в чём его страсти, мечты, желанья? Они в свободе! Всесокрушающей свободе, которой не может определить границ. Заносит до такой степени, что даже не знает, что ему с этим делать! Он преступает любые границы. В любви, – не важно, кто будет любовницей – девица или чья-то жена, – довольно искреннего чувства, а то и просто эротического пыла. В словах, – не важно, ранена ли чья-то душа, задета ли чья-то честь, – говорю о всяком, что думаю, и что хочу. В поэзии, – какие могут быть "святости", какие непотребства? – прочь всё запретное, я гений!.. И найдутся всегда, у локтя, те, что тотчас и поддакнут в этом.

Каким он видел тогда себя?
Не тем горжусь...
Что непреклонным вдохновеньем
И бурной юностью моей
И страстью воли и гоненьем
Я стал известен меж людей, –
Иная, высшая награда
Была мне роком суждена –
Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..

Всё точно, всё названо. В последних двух строчках не поймёшь чего больше: пафоса, отчаянья, или насмешки? Покуролесил на югах. А что было б, если он ещё и в Европу сорвался? Бунтарь, поэт, масон, драчун, и ловелас... Так, что пришлось государю, которого, что называется, "достали" пушкинские похождения, возвращать молодое дарование в более трезвые северные пределы – охолонить головушку – на ближнюю петербургскую орбиту, под постыдный надзор родного отца. В Михайловское.

Он едет сюда в Михайловское, понемногу остывая от жарких южных ветров. Знает ли, что всё самое главное начнётся отсюда? Чуял ли?

Громада грядущих свершений уже нависла над ним...

* * *

Выделяются, по крайней мере, два случая, что явно спасли нам Пушкина, того Пушкина, который есть "наше всё", которого только и можем знать теперь, а другим – и не представляем.

Первый случай, это момент его ссылки в Михайловское – изъятого из страстных объятий южной, а паче, крамольной вольности.

Второй случай, это счастливая невозможность его опрометчивого побега зимой 1825 года из того же Михайловского, отменившая его прямое попадание на Сенатскую площадь, а следственно, неизбежное принятие участи декабристов, и, вполне возможно, – самой трагической...

Бричка с парою лошадей – от стации к станции – несёт его в псковскую землю, в родовое имение матери, Надежды Осиповны, где проведёт он два нечаянных года.

Да, он – Пушкин, – со всеми присущими ему чертами, с "Русланом и Людмилой", "Кавказским пленником", с начальными главами "Евгения Онегина", и первой россыпью новаторских ярких стихов, но ещё далеко не тот умнейший и великий Пушкин, а посему, свершись всё то, к чему он так стремился в обоих случаях по своему хотенью и "страстью воли", и мы бы знали совсем другого Пушкина. Ведь видно же по разным свидетельствам, что запросто мог ввязаться в какую-нибудь авантюру с самыми непредсказуемыми последствиями. Так, мятежное вольномыслие, помноженное на своенравие, привело бы, скорее всего, к неминуемому фиаско – и личному, и творческому. Всё спасло одиночество. Великое, благословенное, спасительное одиночество...

Ужо я вам!.. Держитесь!

* * *

В кассе покупаем билеты, на право оказаться гостями Пушкина. Или на право набиться в гости? Заходим в дом со двора и попадаем в переднюю. Сколько через неё прошло народу за все минувшие времена – невозможно представить, верно целые города и губернии! Впрочем, в прихожей задержаться нам не дают, надрывают билеты, и пропускают влево в "комнату няни" или в девичью. Отсюда положено начинать... обход? осмотр?.. Ужасно протокольно звучит. Пусть будет – знакомство. А для тех, кто не в первый раз? – навестить ещё раз? Навестить! Вот слово близкое, не рассудочное. Нас двое, не принадлежащих к экскурсии. Экскурсия – человек десять, несколько раз, невзначай, мы присоединимся к ним; и все мы будем проходить из комнаты в комнату, вслушиваясь, всматриваясь, вживаясь...

Кто нынче приходит к Пушкину? С виду – обыкновенные приезжие люди, иностранцев средь нас не заметно. Ну, а шире, всё-таки, кто мы такие? Представители общества потребления? Или народ? Что такое "общество потребления"? Надо думать, общество, которое живёт исключительно потреблением. По Далю, есть два различных определения "потреблять": с одной стороны – использовать по надобности, по необходимости; с другой – изводить, губить, уничтожать. Получается общество нужды и уничтожения... переходящее в самоуничтожение. Ещё у Даля противопоставляются "потребители" и "производители". С "производительством" у нас уже, какое десятилетие большие проблемы, причём, во всех сферах жизни, так что, похоже, мы из противоположного общества: потребляем всё, что нажито и не нажито... Пушкин, образно говоря, был "производитель". А мы, стало быть, "потребители-истребители" Пушкина? А может, мы всё же – народ? То есть, НАрождающиеся из рода в РОД ради общей цели. В отличие от общества потребления, народ живёт Идеей, движущей его от поколения к поколению, растворённой во всей его деятельности, вплоть до повседневного быта, той Идеи, которая объединяет его в единое целое. Раньше такой Идеей было Русское Православное Царство – как оплот спасения и охранения всех входящих в него народов. Жили не просто так, жили и умирали "за веру, царя, и Отечество". Искали высшую Правду, и утверждали её на земле – ступень за ступенью, восходя из жизни земной в Жизнь вечную…

Разумеется, приходит на память и Советский Союз. Но что такое коммунизм с его "каждому по потребностям"? – то же самое "общество потребления", пусть и по-марксистски бесклассовое.

Разве у нас нынешних есть какая-нибудь Идея? Нельзя же всерьёз поднимать на знамя "борьбу с нищетой", "удвоение ВВП", или пресловутое "сбережение народа", что лукаво подразумевает именно "сбережение общества потребления"? Право, даже неловко выставлять такие "идеи" на суд Александра Сергеевича. Нация, коли она едина и неделима по временам, не меняет своей Идеи. В противном случае, она исчезает с мировой исторической сцены, и Пушкин это прекрасно осознавал в отличие от многих из нас, клянущихся ему в любви. Подлинное сбережение народа требует твёрдой и справедливой отцовской руки, а не потакание чадам в свободе растления и самодовольства.

Итак, мы в девичьей. Здесь, у Арины Родионовны, собирались за рукоделием крестьянские девушки... здесь, в этой самой светлице из хранилищ народного духа и памяти, выпевались, высказывались старинные предания, русские сказки, былины, песни... Пушкин засидится с ними... никакого телевизора и "компа" не надо... Не от того ли он называл Москву "нашей девичьей". (Правда, большой вопрос, назвал бы он так сегодняшнюю нашу столицу, изувеченную безликими небоскрёбами и холуйским "шиком" реклам?)

Эта проходная комнатка с гладкими сосновыми половицами и некоторыми предметами быта, кажется, ещё удерживает в себе нечто лёгкое, светлое, от тех ли девичьих улыбок и песен, от тех ли ясных и чистых душ?..

На Троицу вся эта комнатка озарялась светом свежих берёзовых веток, полевых и садовых цветов и трав; Пушкин, на правах хозяина и радушного барина, самолично наливал серебряную чарочку, поднося гостям и знакомцам, потчуя с большого подноса душистым румяным нагроможденьем всевозможных пирогов и печений от Родионовны...

Белыми летними вечерами, занятыми рукоделием, – под соловьиное щёлканье, под чью-то певучую речь, и всполох свечей – зайдёт, забежит, прокрадётся он; подшутит ли, скажет ли что с намёком, встанет ли, скрестивши руки, в неосвещённом углу... а всё ради той, что, зардевшись, боится поднять ресницы от вышивки горлицы... А сердце заходится!..

И всё это видела, по-матерински, и была в курсе всех сердечных и прочих дел, хранительница-распорядительница Михайловского, Арина Родионовна, пряча в мягкой улыбке все их вздохи, и шалости, стреляния и метания глаз, и шёпот, и слёзы, и стыдливые тайны свиданий...

(Фрагмент, полностью – на нашем сайте)

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года
Регистрационный № ПИ 77-7768
Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13,
Тел. редакции: **8-499-246-00-54**. Наш сайт: **denlit.ru**
Служба распространения: 8-499-246-88-52.
Электронная версия: **http://zavtra.ru**. Электронный адрес: **denlitera@yandex.ru**
Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография, г. Красногорск,
Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

Главный редактор
Владимир БОНДАРЕНКО
Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов 18 +

Подписано в печать 27.06.2016 г. Заказ №